

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.

Приподнимая завесу 9

1. НЕ ВЕДАЯ ЖАЛОСТИ.

Преступление по книге 21

2. УХО.

В паутине прошлого 113

3. ХЛАДНОКРОВНАЯ.

Непостижимый поступок 191

4. «Я ЖЕ НЕ МОНСТР!»

Долгие поиски истины 263

ЭПИЛОГ.

Обыкновенное зло,
или Вечно в пути 345

Благодарности 348

Выражаю благодарность Мартину Кноббе
за сотрудничество при написании этой книги.

Все описанные в книге события происходили на самом деле. Имена персонажей и названия мест изменены. Любые совпадения или сходства случайны. Кроме того, все диалоги и высказывания третьих лиц цитируются не дословно, а передаются близко по смыслу и содержанию.

ВВЕДЕНИЕ

ПРИПОДНИМАЯ ЗАВЕСУ

Германия. Место действия – большой зал в старинном здании, переоборудованный в аудиторию. Почти семь вечера. До моей лекции еще около получаса. Тем не менее некоторые слушатели уже пришли и расположились в своих креслах. В итоге соберется около трехсот человек, которым я поведаю правдивые истории из моей первой книги: о смерти, грехах, трагедиях и преступлениях. И снова публика очень разношерстная: женщины и мужчины, молодые и старые, прогрессивные и консервативные, пришедшие поодиночке или парами. Разные люди, которых, кажется, объединяет одно: их завораживает Зло. Вглядываясь в лица, задаюсь вопросом: мог ли кто-то из них оказаться героем одной из моих историй, будь то жертвой или преступником? Насильственная смерть может коснуться любого, независимо от принадлежности к социальному слою или культуре. Зло вездесуще, и в этом зале оно тоже присутствует.

В работе профайлера меня всегда привлекала многогранность зла: я постоянно имею дело с очень непохожими людьми, сталкиваюсь с новыми фактами, с неразгаданными загадками. Я убежден, что моим слушателям тоже интересно все это, и они спрашивают себя: какие еще формы жизни существуют помимо моего собственного космоса?

Где они, пределы цивилизованности? Кто смеет их преступать? Когда и почему жизнь трансформируется в насильственную смерть? И самый главный вопрос: почему зло вообще существует? И почему оно вечно?

То, что я наблюдаю за лицами собравшихся в зале, не остается незамеченным. Одни отвечают на мой вопросительный взгляд улыбкой, другие избегают прямого зрительного контакта. Словно чувствуют себя пойманными на том, что хотя бы на один вечер они намерены заглянуть в бездну человеческих грехов. Нелегко признаться самому себе, что зло так притягательно.

Я начинаю свое выступление, и негромкое бормотание на задних рядах сменяется напряженной тишиной. Знаю, что она будет царить до конца лекции, лишь время от времени прерываясь вздохом облегчения, когда я расскажу что-то смешное о себе и своей работе. И я догадываюсь, какие вопросы мне зададут в конце: «Что вас поражает в зле?», «Каждый ли человек может стать убийцей?», «Чем вас привлекает ваша работа?», «Как вы справляетесь с таким психическим напряжением?»

Мне до сих пор нелегко найти ответы на все эти вопросы, даже спустя много лет, в течение которых я часто сталкивался со злом и смертью. Для меня затруднительно дать однозначное определение злу. Может, зло — это умение свободно преступать границы дозволенного и осознанно, в ясном уме идти против добра? Жестоко обращаться с людьми, убивать, а иногда даже получать от этого удовольствие? Или это нечто присущее человеку в принципе? Разве сам он не есть олицетворение зла? Разве в нем не сокрыта бездна, от которой кружится голова. Такое описание злу

дал Георг Бюхнер¹. Трудно объяснить, почему зло так очаровывает нас. Почему мы добровольно трясемся от страха перед Ганнибалом Лектером и смотрим фильмы о вампирах и зомби. Хотим почувствовать на своей шкуре, насколько близко зло способно подобраться к нам? Сколько жестокости и насилия мы готовы вытерпеть? В какой именно момент отведем взгляд? В конце концов, может, нас вновь и вновь успокаивает то, что все это просто вымысел, а не реальность. При этом мы прекрасно знаем, что главный герой, тот самый инспектор, будет рядом. Он возьмет на себя роль морального чистильщика и в конечном итоге одолеет зло. Но достаточно ли этого для того, чтобы заворочить нас? Не является ли зло, по правде говоря, слишком уж поверхностным и скучным, ведь его разрушительное действие никогда не будет столь творческим и непредсказуемым, как сама жизнь во всех ее проявлениях? Так почему же зло никогда нам не наскучивает?

У меня больше вопросов, чем ответов, и я действительно думаю, что в каждом из нас есть как плохое, так и хорошее. Любой подвержен вечному взаимодействию этих двух полюсов. Так что один и тот же человек способен творить добро в одной ситуации и зло — в другой. В нашей повседневной жизни мы сталкиваемся с обеими этими сторонами. Разве мы не пугаемся иногда самих себя, когда наши слова звучат слишком громко, когда нас одолевают ничтожные, а порой и ужасные мысли, когда наши аргументы неуместны и агрессивны? Разве мы не осознаем снова и снова, что невозмож-

¹ Георг Бюхнер (1813–1837) — немецкий поэт и драматург, представитель революционно-демократической литературы. — *Здесь и далее примеч. пер.*

но быть однозначно добродетельным? Но значит ли это, что в каждом из нас сидит потенциальный убийца? Может ли определенная ситуация так сильно повлиять на нас, что мы превратимся в преступников?

Несколько десятилетий ученые спорят о том, откуда берется зло. Заложено это в генах, или же человек преступает закон под влиянием социальных факторов? Кто виноват в том, что подобное происходит: природа или общество, в котором он растет, его воспитание, приобретенная система ценностей? Генетическая ли это предрасположенность или вопрос заключается в умении сопереживать, сочувствовать ближнему, в развитости эмпатии? Истина, вероятно, лежит где-то посередине, хотя я по сей день по-прежнему весьма скептически отношусь к тезису о «прирожденном убийце». В конце концов, решающее значение имеют напряженность ситуации и способность справляться с чрезмерно сильными чувствами, такими как гнев, ненависть, негодование, разочарование, отчаяние и любовь.

Как часто я слышал от убийц, что в момент преступления они не узнавали самих себя, казались себе совершенно чужими.

Совокупность различных факторов позволяет человеку контролировать себя в стрессовых ситуациях и не поддаваться спонтанным чувствам. Вместо этого он решает поступить иначе, не так, как ему хотелось сначала. Эта способность удерживает его от соблазна причинить зло.

Все эти умозаключения составляют основу работы профайлера. Моя задача — понять, как и почему кто-то пересек черту. Для меня, как для ученого, преступление — это объект исследования. Поэтому я должен остерегаться оценивать преступника

с моральной точки зрения, каким бы чудовищным ни было то, что он совершил. Я хочу понять человека, стоящего за преступлением, поэтому мне необходимо приподнять завесу и столкнуться с ужасом лицом к лицу.

Иногда даже приходится проявить определенную долю сочувствия к такому индивиду. Ведь никто не является монстром сам по себе.

Как часто я слышал от убийц, что в момент преступления они не узнавали самих себя, казались себе совершенно чужими.

Вот почему в своей работе я сознательно избегаю таких слов, как «жестокий», «беспощадный» или «больной». Вы не найдете их и в этой книге. Эти слова — оценка, которой нет места в моей деятельности. Моя цель — выяснить, что произошло и что стало для преступника мотивом. И эту задачу я могу выполнить, лишь оставаясь беспристрастным, субъективное мнение только отвлекало бы меня. Кроме того, объективное расследование — законное право обвиняемого.

Преступник также имеет право хранить молчание и не обязан сотрудничать со следствием, если не желает. Конечно, я всегда надеюсь, что он побеседует со мной, а в идеале еще и даст показания. Но он будет готов это сделать только в том случае, если я создам благоприятную атмосферу для разговора. Преступник должен понять себя и свои мотивы. Это не значит, что я оправдываю его противозаконные действия. Но мне не следует проявлять к нему антипатии или вести себя несдержанно. Иначе мне пришлось бы отказаться от ведения дела. К счастью, со мной такого никогда не случалось.

Несомненно, есть преступления, от деталей которых к горлу подкатывает тошнота. Конечно, иногда и я не застрахован от того, чтобы испытывать

гнев по отношению к преступнику, особенно в самом начале, когда постепенно осознаешь масштаб злодеяния. И, конечно, порой, когда я довольно долго вчитывался в материалы дела, перед моим мысленным взором предстал монстр. Однако спустя время я видел перед собой человека, казавшегося таким же нормальным, как и любой другой, того, с кем можно совершенно свободно общаться. В такие моменты я не забываю, что сделал мой собеседник, но сдерживаю отвращение к произошедшему и не проецирую его на преступника. Поэтому я не смотрю с ненавистью на этих людей, но и не жалею их. Мне только иногда становится грустно, когда я наблюдаю за их судьбой и понимаю, насколько сильно им не повезло в жизни.

Ключевой вопрос заключается в том, почему одни могут контролировать себя в стрессовых ситуациях, а другие нет. В течение многих лет я искал ответ в своей работе и теперь пытаюсь сделать то же самое на страницах этой книги. В этих поисках мне помогает исследование следов преступления. Реконструируя случившееся, я приближаюсь к побудительным мотивам убийцы и таким образом все больше постигаю многогранную природу зла.

В конце лекции меня часто спрашивают, как удается выдерживать подобные вещи — постоянно иметь дело со злом и смертью. Полагаю, у меня это получается только потому, что я веду себя как зритель. Не позволяю судьбе жертвы затронуть меня. Конечно, я хочу и должен узнать все о преступлении. Необходимо понять, почему и как был убит человек. Выбрал ли его убийца намеренно или он стал случайной жертвой. Мне также важно выяснить, кто эти жертвы, как они жили, с кем дружили и чем любили заниматься. Для этого я изучаю биографию потерпевшего, читаю его дневниковые

записи и документы на компьютере, опрашиваю множество людей: родителей, партнеров, друзей, коллег. К концу расследования я знаю о жертве больше, чем кто-либо другой. В этот момент я сильно сближаюсь с ней и поэтому, возможно, могу ответить на вопрос о мотивах преступника и причинах убийства.

Но этим мой интерес к жертве ограничивается, и я говорю себе «стоп», когда начинаю испытывать эмоции. Я всегда был очень восприимчивым и в некотором смысле остаюсь таким до сих пор. Раньше я много размышлял о преступлениях, о муках жертв и о горе тех, кто потерял своего близкого. Однако постепенно такое участливое отношение к страданию стало для меня обременительным. Я больше не хотел задаваться вопросом, какое отчаяние испытывал человек, когда понимал, что вот-вот умрет. Не желал представлять, как жизнь пронеслась перед его глазами, прежде чем он смирился со смертью. Моей целью стало как можно меньше сопереживать жертве.

Пишу эти строки, и они кажутся мне очень резкими. Но сформировать профессиональное отношение к преступлению и его жертвам оказалось непростым делом. Я начинал очень осторожно: перестал запоминать имена погибших и вместо этого записывал их в блокнот. Больше не фиксировал в памяти, где именно жили или работали жертвы, если только это не имело решающего значения для идентификации преступника.

Мне было важно снова свободно гулять по своему городу, не вспоминая на каждом углу о смертях и преступлениях. Иначе я бы не захотел здесь жить.

Конечно, такая стратегия сработала лишь отчасти. Некоторые события вы никогда не забудете, несмотря на все попытки и усилия стереть их из